

ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА "БОГ" В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО - ПОПЫТКА ЛИНГВИСТА К ПОНИМАНИЮ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ-ФИЛОСОФА НА ПРИМЕРЕ ЕГО ШЕДЕВРА "БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ"

LINGUA-COGNITIVE ANALYSIS OF CONCEPT "GOD" IN CREATIVITY OF F. M. DOSTOEVSKY. LINGUIST ATTEMPT TO UNDERSTAND THE WORLD VIEW OF GREAT WRITER AND PHILOSOPHER. ON EXAMPLE OF HIS MASTERPIECE "THE BROTHERS KARAMAZOV"

M. Saleh

Annotation

This article explores the conceptual notion of "God" in the works of Dostoevsky. We give a general idea of this concept. In addition, attention is drawn to the fact that Dostoevsky examines the cognitive world of man, based on his behavior and acts, which are committed to them, with the active involvement of the tongue, forming *rechemyslitelnyh* basis for all human action.

Keywords: concept, cognitive linguistics, linguistic space, cognition.

Салех Мухаммед Али
Факультет "Аль-Альсун",
Университет "Айн-Шамс",
Каир, Египет

Аннотация

В данной статье рассматриваются концептуальное понятие "Бог" в творчестве Достоевского. Даются общие представления о данном концепте. Кроме того, обращается внимание на то, что Достоевский изучает когнитивный мир человека, опираясь на его поведение, а также поступки, которые совершаются им при активном участии языка, образующего *rechemyslitelnyh* основу для любого человеческого поступка.

Ключевые слова:

Концепт, когнитивная лингвистика, языковое пространство, познание.

Понятия, отображающие знания и опыт человека, а также используемые человеком в его мыслительной деятельности, характеризуются особыми ментальными структурами, концептами, которые, являясь объектом исследования различных наук, обладают разными интерпретациями, исходя из того, какая дисциплина их изучает. В частности, когнитивная лингвистика интересуется, главным образом, вопросами взаимосвязи идеальных сущностей, концептов, и объективирующей их языковых форм [17].

Однако концепт в когнитивной лингвистике рассматривается не только с позиции ментальности того или иного понятия, но и как единица культуры. В связи с этим рассмотрение концептов в когнитивно-лингвистическом аспекте (как ментальные лингвистические структуры), представляется весьма важным, прежде всего, для раскрытия их смыслового содержания.

Когнитивно-лингвистический аспект занимает важнейшее место в современной русской науке. Количество концептуально значимой лексики, с позиции когнитивной лингвистики, ограничено, поскольку не каждое явление реальной действительности может послужить основой для формирования концепта. В данном случае нас инте-

ресует концепт "Бог" в романе Ф.М. Достоевского "Братья Карамазовы".

Одной из ярких сторон личности Достоевского является его глубокий философский ум. Однако, будучи художником, он не ставит вопросов и не создает идей так, как создают их философы или ученые. Он изучает ментальные репрезентации (внутренние представления) человека, порождающие действия на основе внутренних познаний. Иными словами, писатель изучает когнитивный мир человека, опираясь на его поведение, а также поступки, которые совершаются им при активном участии языка, образующего *rechemyslitelnyh* основу для любого человеческого поступка [5].

Творчество Достоевского имеет несколько исходных точек, но наиболее важной и даже определяющей для него была тема человека, который чувствует себя обязанным определить свою позицию по отношению к вечным проблемам бытия, к Богу. Достоевский, будучи гениальным писателем, использует художественный язык не только для переработки и передачи определенной информации, но и для предметно-познавательной деятельности человека, для осмысления мира, а также себя как неотъемлемой части этого мира.

Герой языкового пространства Достоевского – человек идеи, выведенный на орбиту вечности, хотя он всегда является представителем своей эпохи. Так, Ю. Кудрявцев в своей книге "Три круга Достоевского" отмечает, что писателя не интересует "околофилософия", которая служит повседневности, и которая не рассматривает "вечное". Достоевского не интересует и "сверхфилософия", которая занята лишь вечными вопросами, и не затрагивающая вопросов, которые интересуют самого человека. И та, и другая "забыли человека", а ведь без человека нет "ни конкретики, ни абстракции" [8].

Осознание того, что творчество Достоевского обладает глубоким когнитивно-психологическим содержанием, что в нем воплощено абсолютно новое представление о познании человека, о его предназначении в мире, было осмыслено еще его современниками; достаточно вспомнить известные три речи В.С. Соловьева о писателе [15]. Все психологические проблемы творчества Достоевского в контексте его религиозных взглядов были рассмотрены Д. Мережковским в его книге "Толстой и Достоевский" (1902), в которой утверждается, что Достоевский "тайновидец духа" [11]. В. Розанов, русский критик и философ, также считал писателя в большей степени "диалектиком мысли", а не души [14]. Оба критика считали, что человек Достоевского – явление уникальное, ибо он в себе заключает и эмпирический опыт, и есть в нем нечто, что относится к миру сверхреальному; что язык произведений Достоевского действительно опирается на психологические механизмы, он служит важнейшим звеном между человеком и миром познания.

Все творчество Достоевского, по мысли Н. Бердяева, можно назвать колоссальным "опытом о человеке" – философским и художественным познанием человека, его идеальной сущности, его взаимосвязи с судьбой мира и с судьбой Бога. Человек для мыслителя – микрокосм, центр жизни, Солнце, вокруг которого все вращается. Разрешить вопрос о человеке – обозначает, решить вопрос о Боге [1].

Для Достоевского это самый важный вопрос. Человек есть тайна, так как в нем, по мысли Достоевского, заключена целая загадка и разгадка мира. В нем пересекаются все круги бытия. В человеке суть всех загадок вселенной, потому что все то, что существует в мире, приобретает для человека свою конкретную реальность только тогда, когда проникает в глубину человеческого сознания. Ничто внешнее, природное или общественное, бытовое не имеют для Достоевского самостоятельной действительности.

Следует отметить, что время, совпадающее с моментом создания романа "Братья Карамазовы", представляет собой итог напряженных размышлений Ф.М. Достоевского. Все вопросы, которые беспокоили писателя, осмысливающего тайну человеческого познания, начинают стягиваться к своему центру – к идее Бога. Он страдает этой идеей. Читая Библию, терзаясь неразрешимым, Ф.М. Достоевский приходит к выводу, что у вопроса человеческого познания не может быть чисто интеллектуаль-

ного решения.

Закон логики призывает отвернуться от идеи благодати божьего мира. Однако язык Достоевского все же находит выражение: раскрыть смысл жизни можно, если принять саму жизнь за основание, полюбив "живую жизнь" – Бога – прежде логики, прежде самого себя. Ведь для "неэвклидова" ума трагедия мира возникает и завершается не на Земле. Сам Бог есть любовь; любовь и добро не могут не быть свободными. Следовательно, не могут не делать и человека изначально и абсолютно свободным. Человек в этой системе в равной степени способен как к добру, так и к злу. Своеволие же, как отмечает Достоевский, – одна из сторон "эвклидовского" ума: обращая личную свободу в самоцель, из совершенной свободы делает абсолютный деспотизм, который пытается обеспечить счастье человеку в принудительном порядке [4].

Своеволие и свобода самоутверждения может привести к полному отрицанию Бога, мира и, соответственно, человека, утверждает художник. Он, аналогично своим героям, понимает Писание не столько как проповедь определенной морали, сколько как залог совершенно новой жизни. По мнению Шестова, он стремиться вновь к истине Откровения о "живом" Боге, стремиться к Христу – олицетворению Логоса, второму лику Святой Троицы. Теряя доверие к тому, что передает объективное знание, к морали, которая сама по себе не может разрешить всех вопросов, которые задает человеку жизнь, Достоевский, как отмечает Шестов, уходит от "Бога философов и ученых" и приходит к Богу "Авраама, Исаака и Иакова" [16].

Глубокая вера в Бога, по мнению Достоевского, создает крепкую опору в любых превратностях судьбы. Отсюда в душе человека появляется спокойствие за судьбу мира и свою собственную жизнь. Если же происходит отрицание Бога, то получается, что внутри мира нет абсолютной ценности: красоты, совершенного нравственного добра, совершенной полноты жизни. Если Бога нет, то все позволено [3].

Анализируя психолингвистическую проблематику в "Братьях Карамазовых", мы можем выделить тесную взаимосвязь в ответах на "мировые вопросы", которые дает Библия и, которые объявляют герои Достоевского. Среди них вопросы: Бог и общемировое зло; человек и совершенные ценности – свобода, добро, любовь; бес-смертие и царство Божие; Христос как олицетворение Идеала человека и т.д.

Немногие сумели так глубоко проникнуть в сущность человеческого познания, насколько это получилось у Достоевского. Много в человеческой природе, то, что было признано позднее всеми, разгадал именно он. Человеческая личность также глубока, как все мироздание, и так же непознаваема в полной мере, как весь этот мир. Вся ментальная глубина человека наиболее глубоко раскрывается в его религиозных исканиях. Ведь лишь религия указывает на мистический генезис и мистическую человеческую природу. В человеке заключается творческое начало, отображение "лика Божьего".

Однако здесь мы также можем наблюдать "раздвоен-

ность" человека: с одной стороны, осмысление им святости Божеского в себе, совершенной невозможности своей жизни в безбожии, а с другой – это бунт против Бога, непризнание мира Божьего и утверждение человекобожества [13].

Во время религиозного познания появляется множество различных проблем, которые столь же неоднозначны и иррациональны, как и сама природа человека. Живая, истинная вера не может существовать без сомнений. Но если человек полностью отходит от Бога и в этом отходе отрицает бытие Божие, то он обязательно придет к отрицанию и себя. Он будет захвачен силами разрушения и саморазрушения. По мнению Достоевского, бунт против Бога носит самоубийственный характер. Так, Иван Карамазов и Великий Инквизитор не в силах понять и принять, как Бог, который является Абсолютным Благом, допускает столько зла и страданий в сотворенном им мире. Несовершенный мир вызывает у них сомнение в благодати, и даже неверие в существование Бога [3].

Зарождается бунт Ивана Карамазова в Книге пятой "Pro и contra" в диалогах с Алешей. Следует отметить, что бунтарские мысли Ивана Карамазова в главе "Бунт", по мнению исследователя А. Долинина, перекликаются с отдельными положениями доклада "Идеалистический и позитивный методы в социологии", который был прочитан в 1848 году на собрании кружка петрашевцев Н. Кашкиным [2]. Исследователь отмечает, что схожесть идей Ивана Карамазова (отрицание не Бога, а благодати его) с некоторыми положениями доклада очевидна. Я не Бога не принимаю <...> я мира им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять, – заявляет Иван Карамазов Алеше. И здесь же признается: Я, может быть, себя хотел бы исцелить тобою. Я смиренно сознаюсь, что у меня нет никаких способностей разрешать такие вопросы, у меня ум эвклидовский, земной, а потому, где нам решать о том, что не от мира сего, – заявляет Иван Карамазов своему брату [3]. "Эвклидов ум", как отмечает Н. Бердяев, – формулировка, которую любит использовать Достоевский. "Эвклидов ум" не может принять идею свободы, она недоступна ему, как абсолютно иррациональная тайна. Бунт "эвклидова ума" против Бога, согласно философу, соотносится с полным отрицанием свободы. Если не существует свободы как последней тайны мироздания, то этот мир с его мучениями и страданиями, со "слезинками невинно замученных" людей не может быть принят [1].

Речь о неприятии "мира Божьего" Иван Карамазов начинает с попытки разрушения одного из главных догматов православия – любви к своему ближнему. Иван говорит Алеше: "Чтобы полюбить человека, надо, чтобы тот спрятался, а чуть лишь покажет лицо свое – пропала любовь" [3]. Человек никогда не будет любим, поскольку все его слабости, его облик, характер и прочее всегда будут реальными препятствиями к желанию любить чистосердечно и смиренно. Такое осознание любви носит противоположный характер христианскому пониманию. Идеи Ивана Карамазова выстраиваются на рациональных

обоснованиях смысла своих альтруистических действий. Он пытается вначале найти доказательства в целесообразности любви к ближнему, а уже потом его "любить".

Старец Зосима же говорит, что любить жизнь нужно прежде какого-либо смысла, и тогда любовь к человеку будет не тяжелым заданием от Бога, а жизненной необходимостью любящей личности. Логически доказать смысл любви не представляется возможным, поскольку любовь противоположна животному эгоизму самолюбования. Христианская любовь представляет собой универсальную категорию спасения.

Весьма сильным аргументом Ивана Карамазова против смирения христианского прощения становятся его яркие примеры о страданиях и слезах маленьких и слабеньких детей, которые еще могут притязать на всеобщую любовь, поскольку даже на самых "грязных личиках" нет и тени порока страстей взрослой жизни: Деток можно любить даже и вблизи, даже и грязных, даже дурных лицом <...> о больших я и потому еще говорить не буду, что, кроме того, что они отвратительны и любви не заслуживают, у них есть и возмездие: они съели яблоко и познали добро и зло и стали "яко божи" [3].

В "заочном разговоре" старец Зосима отвечает на это Ивану Карамазову: деток любите особенно, ибо они тоже безгрешны, яко ангелы, и живут для умиления нашего, для очищения сердец наших и как некое указание нам. "Указание нам", видимо, заключается в том, чтобы обидевшему ребенка ответить не силой, а смирением [3]. Старец Зосима пытается направить Ивана Карамазова внутрь самого себя. Он будто заявляет Ивану, что, если отвечать силой обидчику, выплескивать ненависть в слова, действиях, чувствах, то можно не заметить, что рядом находится ребенок, который все это зло впитает в себя, в свою душу. В результате именно ты, со своим гневом и жадной уничтожить обидчиков, и станешь невольной причиной развития человека ненавидящего и оскорбляющего, мучителя тех самых маленьких детей, о которых ты страдал.

В конце главы "Бунт" Иван Карамазов рассуждает о "возвращении билета" и с жестокой иронией соотносит человеческое спасение и коммерческую сделку с Богом [3]. Он требует, чтобы восторжествовала справедливость. Иван Карамазов своевольно, собственным разумом решает судьбу всего мира, стараясь заменить собою целое, собственными ценностями внеличную основу мира, претендуя на это целое. Все это не случайно, поскольку любой бунт включает в себя определенные ценностные суждения. Так, по мнению А. Камю, бунтарь хочет быть или всем или ничем [7]. Иван Карамазов отыскивает свою истину в результате долгой сознательной работы, работы по осознанию добра и зла и отдаёт Богу его бессмертие.

Иван отвергает зависимость между страданием и Истиной. Для Ивана пусть бы даже и существовал Бог, и некое таинство скрывало бы Истину, и даже бы старец Зосима был прав, но согласиться с тем, что за Истину приходится платить ценой страдания и смерти невинного не составляет возможным. Истинная вера заключает в себе смирение перед несправедливостью. Иван же не прием-

лет этого. По мысли А. Камю, Иван воплощает в себе отказ от спасения. Таким образом, Иван Карамазов бунтует. Он прямо говорит: Можно ли жить бунтом, а я хочу жить [3]. В своем сознании Иван не может совместить Истину и веру в Бога. По сути, это и является основной причиной бунта. Иван Карамазов абсолютно не согласен с миром Бога, отказывается от него, отказывается и от веры в бессмертие. Иван сомневается и в существовании добра вообще и становится обличителем зла в других.

Проблема познания Бога Ивана Карамазова еще и в том, что он из жалости к людям бунтует против Божьего мироустройства. Жалость становится источником и богоборчества и приводит, что очень важно, к отрицанию свободы остальных людей. Жалость, по мнению Н. Бердяева, – самое восхитительное человеческое состояние, оно может обернуться самым отрицательным состоянием [1]. Необходимо сострадать и сочувствовать своему ближнему и вместе с тем полагать, что эти страдания являются следствием греха. Лишь Христос, утверждает философ, способен освободить нас от зла, любовь к врагам преодолевает бесконечность зла, лишь Христова великая любовь – это единственный выход <http://anthropology.ru/ru/texts/kamnev/slinin.html> – n1#n1. Иван Карамазов не может понять и поверить в Христову любовь. Он винит Христа в бессердечности и нелюбви к человечеству, хоть Он и принял грехи всего мира, всего человечества. Иван говорит: Христова любовь к людям есть в своем роде невозможное на земле чудо [3].

Важную роль в понимании образа и бунта Ивана Карамазова играет библейский мотив Иова. Ивана Карамазова можно понять как нового Иова. Бунт Ивана – это не бунт полного неверия, но бунт, который только углубля-

ет веру в Бога. Не вера в Бога колеблется в Иове и в Иване Карамазове, а вера в Божественный миропорядок. Иван Карамазов в постоянном колебании. Он мыслит: Если Бога нет... Тогда нигилизм. Тогда: все дозволено. Отсюда и возникает двойственное отношение к Ивану Карамазову. И все же бунт Ивана – это, в некотором роде, бунт самого Достоевского, в котором писатель "борется" с самим собой, стремится понять Бога.

По Достоевскому, таинственный смысл человека заключается в том, что он не может жить без познания Бога в душе, и сам признает в себе это Божеское как святую, однако он же и способен восстать против своего Бога. Так, человек несет в себе не только лик Христа, но и Антихриста [4]. Разрушенный "лик Божий" человек способен воскресить, лишь покайся перед всеми людьми и перед Богом, приняв искупительные страдания; человеку нужно восстановить нити, связывающие его с миром земным и с миром горним. Связь с Богом и людьми носит мистический характер. Как отмечает Мережковский, Христос – это явление не нравственного порядка, а религиозного, сверхнравственного, оно переходит через все пределы нравственных законов [11].

Таким образом, когнитивный подход к языковому пространству "Братьев Карамазовых" позволяет определить лингвистические факты, а также понятийные системы познания писателем концепта "Бога". При этом мы можем определить языковые структуры, которые в тексте произведения рассматриваются сквозь призму общих познаний человека о Боге, накопленного опыта взаимодействия с миром, а также в тесном взаимодействии с культурными, психологическими, религиозными и социальными факторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М., 1993. – 383с.
2. Долинин А. Достоевский среди петрашевцев. – М., 1999. – С37–38.
3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М., 2007. – 838с.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собран. соч.: в 30-ти т. – Л., 1972–1976.
5. Ефимова Н. Мотив библейского Иова в романе "Братья Карамазовы" // Достоевский: Материал. и исследован. – СПб., 1994. – С.121–135.
6. Калькова О.К. Концепт "Бог" в русской языковой картине мира (основные компоненты). – Владивосток, 2011. – 4с.
7. Камю А. Бунтующий человек. – М., 1990. – 110–361с.
8. Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского. – М., 1991. – 343с.
9. Лифанова Е.С. Концепт "Христос" в русской языковой картине мира // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: Языки и специальность, 2007. – С.42–47.
10. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. – М., 1997. – С.277–293.
11. Мережковский Д.С. Лев Толстой и Достоевский. – М., 2000. – С.21–24.
12. Передриенко Т.Ю. Концепты "Бог" и "Дьявол" в русской и английской лингвокультурах // диссер. канд. филолог. наук. – Челябинск, 2006. – 193с.
13. Понамарева Г. Житийный круг Карамазова. Достоевский // Материалы и исследования. – СПб., 1992. – С.167–179.
14. Розанов В.В. О Достоевском (отрывок из биографии, приложенной к Собранию сочинений Достоевского) // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. – М., 1990. – С.236–259.
15. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского. – М., 1990. – С.49–53.
16. Шестов Л. О "перерождении убеждений" у Достоевского // Русская литература, 2005. С.15–22.
17. Якимов П.А. Концепт "Бог" в художественной картине мира Семена Липкина // Вестник ОГУ, №11, 2012. – С.145–147.